

Анастасия Горобец (Вена)
Метаморфоза текста или метаморфоза сознания
в творчестве Антонина Ладинского

Поэт младшего поколения первой волны русской эмиграции Антонин Петрович Ладинский провел в эмиграции 36 лет, вернулся в постсталинский СССР в 1955 году и умер в Москве в 1961 году.

Сформировавшийся и получивший известность как поэт в межвоенном русском эмигрантском Париже, один из лидеров молодого поколения Ладинский не опубликовал в Советском Союзе ни одного стихотворения и был известен советскому читателю исключительно как автор исторических романов¹. Белогвардеец, обрядоначальник масонской ложи «Северная звезда» Ладинский становится в конце жизни членом Литфонда и Союза писателей СССР. Судьба Ладинского не была единичной.

Каковы были причины, заставившие его вернуться в СССР и каковы были жертвы, принесенные репатриантом Ладинским за возможность возвращения?

Биография Ладинского может быть поделена на несколько периодов: российский — от рождения до эмиграции (1895—1921), 1-й эмигрантский египетский период (1921—1924), наиболее плодотворный и значимый парижский период (1924—1950), внутри которого необходимо выделить военные и особенно послевоенные годы, как своего рода пресоветский период (1940/1944—1950), дрезденские годы после высылки из Франции, как годы подготовки к

© Anastasija Gorobets, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ *Ладинский А. XV легион*. Таллин. 1937; *Ладинский А. Голубь над Понтом*. Таллин, 1938. В Советском Союзе были опубликованы переработанные варианты романов под новыми названиями: *Ладинский А. В дни Каракаллы*. М., 1960; *Ладинский А. Когда пал Херсонес*. М., 1959. Кроме того, прижизненно был издан роман: *Ладинский А. Анна Ярославна — королева Франции*. М., 1961, и посмертно: *Ладинский А. Последний путь Владимира Мономаха*. М., 1966.

въезду в СССР (1950—1955) и собственно советский период (1955—1961). Таким образом, пресоветский и советский периоды в сумме занимают в биографии Ладинского ровно такой же временной отрезок, как и наиболее важный в творческом отношении межвоенный парижский период.

Антонин Ладинский родился в селе Общее Поле Порховского уезда Псковской губернии 19 января по старому стилю 1895 г. в семье уездного исправника из духовного звания, надворного советника Петра Семеновича Ладинского², закончил Псковскую губернскую гимназию со средней успеваемостью (отличные оценки он получил только по трем предметам: законоведению, природоведению и французскому языку)³ и был зачислен 8 августа 1915 г. на юридический факультет Императорского Петроградского университета⁴, сдал экзамены за первый семестр, но официально выбыл из университета 3 мая 1916 г.⁵ вследствие досрочной воинской мобилизации, был прикомандирован к 1-й школе прапорщиков в Петергофе, которую закончил в августе 1916 г. в чине прапорщика, и был отправлен на фронт. Свое участие в военных действиях Ладинский описывает в автобиографии, составленной им в Дрездене в начале 1950-х годов в ожидании разрешения на въезд в Советский Союз:

«Был направлен в Симбирск в 97 зап[адный] полк, где захворал и был отправлен в санаторию д-ра Постникова в Самаре. Из-за болезни не попал на фронт. Революцию в феврале месяце 1917 г. встретил в полку и даже был избран в Совет солдатских и офицерских депутатов, а в конце 1917 г. получил отпуск и уехал во Псков, к родным. Во время занятия немцами Пскова находился в военном госпитале, но ушел домой и проживал дома, работая писцом в Городской управе. Осенью 1918 года вступил в так называемую “армию” Вандама, которая была разбита в первом же сражении при Крестах. Я не пошел за остатками разбитой армии, а пробрался к тетке Ладинской, Анне Семеновне, в Дубровно Порхов[ского] уезда, где скрывался некоторое время, чтобы не попасть “под горячую руку”, а затем пробрался в Ленинград, где скрывался у друга отца, <...> а когда увидел, что я ему в тягость, поступил под чужой фа-

---

² ЦГИА (СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Ед.хр. 67157. Л. 11–21.

³ ЦГИА (СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Ед.хр. 67157. Л. 5.

⁴ ЦГИА (СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Ед.хр. 67157. Л. 2.

⁵ ЦГИА (СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Ед.хр. 67157. Л. 27.

милией в советскую часть, так как всюду были расклеены афиши, приглашавшие дезертиров вернуться в свои части. Без всяких формальностей меня приняли и направили в Крестьянско-рабочую бригаду <...>.

В 1919 г. часть была направлена на фронт и в сражении под Купянском я отстал от части и был взят казаками, которые доставили меня в г. Купянск, где меня тут же зачислили без всякой проверки в Марковский полк (б[ывшая] офицерская рота).⁶

Учитывая предназначение автобиографии для советских чиновников, обращает на себя внимание отсутствие определенной политической ориентации и стремление избежать участия в активных военных действиях на какой бы то ни было стороне. Этот факт важен для дальнейшего определения политической подноготной Ладинского. В эмиграции Ладинский «числился» белым офицером, имел звание подпоручика и его единственным законченным образованием, помимо гимназического, было офицерское. Забегая вперед замечу, что Ладинский никогда в политических партиях не состоял.

В августе 1919 г. Ладинский был тяжело ранен в ногу, 11 месяцев провел в госпиталях, в начале 1921 г., после поражения армии Деникина, был эвакуирован из Новороссийска в Салоники, а затем в Египет.

В Египте Ладинский работал писцом в Международном суде в Александрии, где делопроизводство велось на французском языке, мечтая, одновременно, о продолжении своего университетского образования и о литературной карьере. Из сохранившихся писем Ладинского ученому секретарю Российского Заграничного Исторического Архива Г. Радченко⁷ становится понятным, что Ладинский искал возможности для переезда в Европу, надеясь первоначально на благоприятную для русских беженцев ситуацию в Праге. В одном из писем из Александрии он писал: «всё, что Вы сделаете реального для нашей переброски в Прагу — будет одобрено, поддержано уже не говоря о том, — какая будет орация для

---

⁶ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 1.

⁷ С Г. И. Радченко Ладинский познакомился в Египте и состоял впоследствии с ним в переписке уже будучи в Париже, когда начал печататься в русскоязычной эмигрантской периодике. В качестве сотрудника «Славянской книги» Радченко присылал Ладинскому анкету журнала.

Вас, если (<нрзб.> конечно, не легко это) если мы приедем в Прагу»⁸.

В 1924 г. Ладинский переезжает в Париж (ему помогают гимназические знания французского языка и работа писцом в Александрии), становится студентом Сорбонны, но вынужден зарабатывать на жизнь. Уже в 1925 г. Ладинский публикует в журнале «Звено» свое первое стихотворение и с тех пор регулярно печатается во всех ведущих периодических изданиях русской эмиграции, различных своей географией. В том же году Ладинский участвует в создании Союза молодых поэтов и писателей во Франции и год спустя становится его вторым председателем. С конца 20-х годов Ладинский работает в приемной редакции газеты «Последние новости», отвечает на телефонные звонки, встречает посетителей, является постоянным автором газеты, печатает стихи, рассказы, театральные и кинорецензии, переводит с английского «полицейские» романы, в качестве специального корреспондента газеты едет в числе других стран в Палестину и Чехословакию. Ладинский становится завсегдатаем Монпарнаса, примыкает к «парижской ноте», не считая себя, однако, учеником или прямым последователем Г. Адамовича и Г. Иванова. Ладинский — поэт-неоромантик, в его поэтике присутствуют элементы неоклассицизма и акмеизма. Владимир Набоков отмечал влияние на Ладинского В. Ходасевича и И. Бунина, гибкий, лёгкий и точный стих, богатые рифмы, прекрасный язык, назвал Ладинского первым среди молодых, чьи стихи, «будучи связаны единой гармонией, все разные, в каждом из них содержится свой собственный волнующий рассказ».⁹ Эта рецензия Набокова в берлинской газете «Руль» была первым откликом в печати на первый стихотворный сборник Ладинского «Черное и голубое», вышедший в начале 1931 г. в Париже в издательстве «Современные записки». За ним последовали в 30-е годы «Северное сердце»¹⁰, «Стихи о Европе»¹¹, «Пять чувств»¹² и послед-

---

⁸ РГАЛИ. Ф. 2295. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 4.

⁹ Набоков В. Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. 28 янв. № 3092. С. 2.

¹⁰ Ладинский А. Северное сердце. Берлин, 1931.

¹¹ Ладинский А. Стихи о Европе. Париж, 1937.

http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/ladinsky_stikhi_o_evrope_1937.pdf

¹² Ладинский А. Пять чувств. Париж, 1938.

ний, пятый, — «Роза и чума» (1950) в Париже в издательстве «Рифма». Хвалебные рецензии на сборники пишут все ведущие критики эмиграции.

Говоря о рецензии Набокова, необходимо отметить следующую деталь. После высылки из Франции в сентябре 1950 г., находясь в Дрездене, Ладинский решил отказаться от поэтического творчества в СССР, считая свои стихи неуместными. В дневнике «Моя жизнь в Германии» он зафиксировал свои размышления о характере выпускаемой в Советском Союзе литературы:

«Это благородная задача — писать для миллионов, но писать, конечно, приходится так, чтобы все написанное было доступно миллионам. Хотя печатаются там и чрезвычайно интересные книги и журналы <...>»¹³.

Ладинский не считал себя в силах «переучиваться» и писать стихотворные тексты, соответствующие советским требованиям. Об этом он сообщил в одном из писем своему давнему корреспонденту и другу, епископу Алексию (в миру А. П. Дехтереву). Последний сожалел о решении Ладинского: «Жалко, что ВЫ перестали писать стихи. Их легче протолкнуть: советский человек любит стихи и тотчас положит их на музыку, и запоет их весь советский необъятный мир. Тогда и достучаться легче»¹⁴. Дехтерев уже побывал в СССР, принял советское гражданство и был назначен в сане епископа настоятелем Пряшевского монастыря в Восточной Словакии под юрисдикцией Московского патриархата. Дехтерев покровительствовал Ладинскому, пытался помочь ему устроиться в Москве. Именно Дехтерев, только что узнав о высылке Ладинского из Парижа, впервые высказал в своем утешительном письме от 30 сентября 1950 г. идею принесения жертвы во имя возвращения на родину:

«Дорогой Антонин Петрович,
одновременно и огорчило, и обрадовало меня Ваше письмо: огорчило, потому что Вы были высланы из Парижа грубо и без вещей; обрадовало, потому что наконец-то Вы возвращаетесь “к пенатам своим”. Для того, чтобы отряхнуть прах от ног своих в отношении

¹³ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 29. Л. 7 об.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 12.

прославленного Запада и вернуться на Родину, необходима жертва, которую в той или другой степени все мы принесли. Пред нами открывается новый мир, совершенно не похожий на тот, в котором мы жили; открывается новая страница нашего бытия, и, следовательно, жить мы начинаем тоже по-новому, оставив все прошлое, которому уже нет места на земле. Вы, вероятно, слышали и читали о моей судьбе, которая — чрез все мытарства в Египте, чрез одиночку в арабской крепости, привела меня в Москву, где я был обласкан Правительством и Святейшим Патриархом. Там же я был вознесен на епископскую кафедру и получил двухгодичную ответственную командировку в Чехословакию. *Так наша Родина защищает каждого из нас. И Вы, дорогой Антонин Петрович, когда попадете в Москву, будете тоже обласканы и вознесены по достоинству.* Ваши мытарства — Вам же на пользу. А о вещах не тужите: Ваше духовное наследие не погибнет, а материальным вещам — грош цена... Всего материального будет у Вас несравненно больше, чем Вы обладали. Еще раз приветствую Вас с возвращением на Родину и желаю Вам полного литературного успеха, в чем не сомневаюсь»¹⁵.

И делает приписку на обороте: *«Только в СССР Вы почувствуете, что ВЫ полноценный человек, а не былинка. Это я испытал на себе»*¹⁶. Характер писем Дехтерева этого периода существенно отличен от его писем Ладинскому 1930-х годов. Переписка теперь велась между Пряшевом (ЧССР) и Дрезденом (ГДР), оба корреспондента ни на минуту не забывали о существовании жёсткой цензуры. Состояние подцензурности остро ощущалось Ладинским, он не позволял себе откровенности даже в дневниковых записях. Записи единственного дневника дрезденского периода (1950—1955) наполнены пафосом советских периодических изданий. Так, узнав о смерти Сталина, Ладинский сделал следующую запись:

«5 марта в 21 час 50 мин. Сталин скончался, и весь мир, узнав об этом по радио, притих на мгновение: друзья с болью в сердце, враги с тайной радостью, но даже враги, если у них хоть немного объективности есть, должны признать, что ушел большой человек,

---

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1; курсив мой — А. Г.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1 об; курсив мой — А. Г.

защитник мира. Что будет без него? Во всяком случае судьбы мира на какое-то время испытали потрясение. М. б. только раз в истории было нечто подобное, отдаленно напоминающее смерть Сталина: это известие о смерти Августа в римской империи, когда люди в ужасе думали (люди определенных общественных кругов, рабовладельческого общества), спрашивали себя, что будет завтра. Впрочем, вся империя была, вероятно, потрясена.

Теперь другое. Теперь во всех углах земли, в африканских деревнях, в колхозах, в комм[унистических] организациях, на заводах люди вспоминают о том, кем был Сталин, и к[а]к он вел трудящихся на борьбу за социализм.

Мы тоже все были взволнованы, слушали радио. Было траурное собрание в Красном уголке, где консул зачитал офиц[иальное] сообщение о смерти Сталина. На многих немец[ких] домах — флаги с крепом. У дома С[оциалистической] Н[емецкой] Молодежи и день и ночь пылают светильники, стоят на вахте юноша и девушка...»¹⁷

В 1958 г. в Москве Ладинский получил разрешение на работу с газетными фондами спецхрана ГБЛ, нашёл номер «Руля» с упомянутой рецензией Набокова, переписал, а затем и перепечатал её полностью в дневник¹⁸. Эта дневниковая запись, на мой взгляд, служит уликой против добровольности отказа Ладинского от поэтического творчества в СССР. Более весомыми уликами являются дневниковые записи о домашних чтениях стихов во время встреч с московскими знакомыми литераторами, в частности, с Борисом Слуцким. Слуцкий познакомился с поэтическими сборниками Ладинского в русской библиотеке в Белграде и сам искал встречи с Ладинским в Москве. Первый раз в гостях у Слуцкого Ладинский побывал 1 декабря 1955 г. В дневнике Ладинский записал:

«У Бориса Абр[амовича] Слуцкого. Он случайно читал мои стихи, когда захватили русскую библиотеку, и понял, что я не лаял на свою страну. Некотор[ые] он просто вырвал на память. Прочитал статью о Бунине¹⁹, он даже сообщил некотор[ым] заведующим

---

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 29. Лл. 76–76 об.

¹⁸ Дневники Ладинского были уже машинописными.

¹⁹ См.: *Ладинский А.* Последние годы И. А. Бунина. К 85-летию со дня рождения писателя // Литературная газета. 1955. № 126. С. 3.

стих[отворными] отделами о необходимости связаться со мной. Никто, конечно, не связался. Провел вечер у него. Бутылка белого вина, сыр, кр[асный] перец. Говорили о стихах, о франц[узской] литературе, о Бунине. Он читал мои, я — его стихи. Между прочим военные, очень “доходчивые”»²⁰. 5 декабря Слуцкий уже сам пришел в гости к Ладинскому на Гагаринский переулок, 23, где Ладинский жил у брата Бориса: «Был в гостях поэт Борис Слуцкий и его приятель Г. Они заинтересовались моими стихами. Очень мило провели вечер, говорили о советской литературе. Слуцкий все знает, все помнит. Замечательная у него голова. Рассказывал много о сов[етских] поэтах»²¹. В одну из таких встреч Ладинский читал свои парижские стихи, вспоминал о Париже и не смог сдерживать эмоций, взволнованный воспоминаниями.

Сохранилось письмо Ладинского Льву Любимову²² от 25 мая 1955 г., написанное после их встречи в Москве, в котором Ладинский приводит свое стихотворение «Пушкину» (1947), вошедшее в его последний поэтический сборник «Роза и чума», со следующей припиской:

«Дорогой Лев Дмитриевич,
Посылаю Вам с некоторым запозданием обещанные стихи. Поступите с ними, как найдёте нужным. Привет всем Вашим. Приятно провёл вечер в Вашем доме. Добрался домой благополучно, но в три часа утра.

Ваш Ант[онин] Ладинский»²³.

Приведенный в письме текст стихотворения соответствует не публикации в сборнике, а более ранней публикации в газете «Советский патриот» от 14 февраля 1947 г.²⁴

---

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. Л. 62 об.

²¹ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 65.

²² Лев Любимов сотрудничал в газетах «Возрождение» и «Советский патриот», был выслан из Франции, к моменту приезда Ладинского уже находился в Москве. В 1956 г. Л. Любимов опубликовал в Москве книгу воспоминаний «На чужбине».

²³ РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1.

²⁴ Ладинский А. Пушкину // Советский патриот. 1947. № 121. С. 4. Газетный вариант стихотворения состоял из 7 строф и содержал на 3 строфы больше, чем вариант сборника. Однако в обоих вариантах в приведенной

Надежды на публикацию стихов в СССР у Ладинского еще были.

И еще один факт. Московские дневники Ладинского практически не содержат записей стихов. Небольшие исключения представляют собой примеры из его переводческих работ: Ладинский переводил П. Элюара и Л. Арагона, делал литературные обработки подстрочных переводов с других языков (в том числе — с чешского и казахского). Однако последней предсмертной дневниковой записью Ладинского, сделанной им 16 мая 1961 г. накануне инфаркта, от которого он уже не смог оправиться, было небольшое стихотворение «После смерти», более соответствующее поэтике Ладинского парижского периода²⁵.

Вернусь хронологически в военный и послевоенный Париж, в те годы, которые я назвала «пресоветскими». В 1940 г. газета «Последние новости» была закрыта, Ладинский был эвакуирован вместе с газетой в г. Пуатье, жил несколько месяцев в Оверне²⁶, обращался за помощью к М. Алданову и И. Бунину, но вынужден был вернуться в Париж. По собственному свидетельству, «на немцев ни дня не работал», числился безработным, получал пособие²⁷. С 1944 г. Ладинский состоял в союзе «Русских патриотов», позднее «Советских патриотов», входил в Верховный Совет ССП, сотрудничал в печатных органах союзов с соответствующими названиями «Русский патриот» и «Советский патриот», заведовал литературным отделом «Советского патриота». Советский паспорт Ладинский получил в числе первых 30 июня 1946 г.

«Советский патриот» просуществовал с 1945 г. до закрытия французскими властями в 1948 г., за неполных 3 года Ладинский

ниже строфе вместо выделенной мной лексемы была использована лексема «природе», лексема «народе» придала стихотворению несуществовавший ранее политический оттенок:

И перечитывая вновь и вновь
Его слова о славе и свободе,
Воспринимаем чище мы любовь
Возвышеннее мыслим о *народе*.

²⁵ См.: Горобец А. «После смерти...» Антонина Ладинского // Rossica. 2009 (в печати).

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 2.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2254. Оп. 2. Ед. хр. 51. Л. 2.

опубликовал в газете несколько поэтических опытов, представляющих собой симбиоз присущего Ладинскому неоромантизма с элементами советской пропаганды. Приведу в пример две строфы одного из стихотворений под названием «Привет Москве», датированного 1944 г.:

В Москве мы вдохновенье пьем,
Она господствует над нами.
Над морем и над кораблем,
Над хижинами и дворцами.

Она сияет, как звезда,
Над книгою стихов, где роза,
Над пастбищами, где стада,
И над пшеницею колхоза.²⁸

Можно предположить, что Ладинский предпринимал таким образом попытки адаптации к советским требованиям. Между «декадентскими» стихами межвоенного Парижа и поэтической немотой в советской Москве существует несколько промежуточных «экспериментальных» текстов.

Другим примером может послужить послевоенное стихотворение «Серп и молот», в котором Ладинский заявляет о несостоятельности старой и необходимости новой поэтики:

Теперь нельзя про «слёзы-грёзы»,
Когда стал пеплом милый дом,
Когда ребёнок грязь и слёзы
Размазал детским кулачком.

Теперь нам не до побрякушек,
Когда не счесть на небе дыр,
Когда под гром советских пушек
Родился в битвах новый мир.²⁹

Ни одно из упомянутых выше стихотворений не вошло в поэтические сборники Ладинского. Напротив, в последнем стихотворном сборнике Ладинского «Роза и чума» (1950) преобладает мотив

---

²⁸ Ладинский А. Привет Москве // Советский патриот. 1945. № 121. С. 1.

²⁹ Ладинский А. Серп и молот // Советский патриот. 1945. № 50. С. 3.

поэта и поэзии. Предпоследнее стихотворение сборника и самое позднее из датированных «Когда приходят мысли...» (1949) имеет две следующих строфы:

И потому, что гробом
Кончается наш путь,
С волнением особым
Подумать не забудь

О том, что в этой жизни
Всего дороже нам, —
О верности отчизне
*И о любви к стихам*³⁰.

Две последние строки отрывка могли бы послужить эпиграфом к данной публикации. «Верность отчизне» и «любовь к стихам» были для Ладинского равновеликими ценностями. Судьба Ладинского, однако, сложилась таким образом, что в конце жизни он был вынужден принести «любовь к стихам» в жертву «верности отчизне».

---

³⁰ Ладинский А. Роза и чума. Париж, 1950. С. 40; курсив мой — А. Г.